

18+

Нынтуус

Кирилл Городнов

Кирилл Городнов

Нунтиус

<https://litres.ru/73871011>

ISBN 9785006972568

Аннотация

«Нунтиус» — это лиро-эпическая исповедь, развернутая в вечности. Это история Аморфиуса, чей дух, сбросивший оковы небес, отправляется в опасное путешествие по лабиринтам собственной души. Он ищет правду там, где царит тлен, надежда тает, как утренний туман. Но в мире, где каждый свет лицемерен, он находит Ее — Де Ля Ви, чья чистота становится для него одновременно и спасением, и самым страшным испытанием. Смогут ли пройти сквозь сомнения и собственную природу, чтобы обрести не покой, а истину?

Содержание

Признание	5
Вступление	7
Глава I	9
Глава II	16
Глава III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нунтиус

Кирилл Городнов

© Кирилл Городнов, 2026

ISBN 978-5-0069-7256-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Признание

Где таится в лабиринтах души
Запретный восторг и смятенье,
Где отчаянный разум творит
причудливо тени в миры,
Я ищу не простую глуши,
не земное тому подтвержденье,
А подобье змеи, красою игры.
Пусть пугает её извилистый, гибкий,
холодноватый узор,
Чешуя что сверкает, что темнее ночи,
В ней век, первозданный, могущий задор,
Способен разрушить оковы, сжечь все
мечты.
И хоть шепчет мне голос тревожный:
«Беги от судьбы сей жестокой,
Не вступай в этот танец, где нету ни
правил, ни грань»,
Я склоняюсь к её изголовью с улыбкой
одной, —
Принимаю игру, принимаю её обаянье и
длань.
Этот путь — не для робких сердец,
он извилист, тернист и суров,
И пройти его можно ценой

сомнений и страха,
чтоб познать, как в объятых шипящих,
коварные слов
Рвётся в бездну душа, отвергая утехи и
прах.

Но в том паденье — свобода,
в том паденье — познание себя,
В этом жгучем прикосновенье—
и гибель, и новое рденье.

«Полюби меня так, без оглядки, какова
есть, дорога,

Как любит сокрытого серафима змея,
без сомненья и тихого тленья».

И сквозь бездны грехов и восторгов
сквозь мрак и сиянье огня

Прошепчу я, с тобою сливаясь, заклетье
простое:

«Люблю тебя, как без остатка, люблю тебя,
как и меня,

Как любит сокрытого света змея,
Что навек себя обретая».

Вступление

Часов неумолимых тихий ход
Лишь отмеряет путь твой, странник.
Их стрелки не пророческий оплот,
И в римских стенах ты — не пленник.
Пусть все пути ведут на форум вновь,
И толпы к цезарям своим несут дары, —
Ты ворота открой, презрев оковы слов,
Чтоб с ветром говорить и с морем у поры.
В безмолвии ночном, средь вечных звезд,
Вопрос терзает нас, как тайный яд:
Зачем горим мы в этой мгле пустой?
Ответа нет... Но дух не смолкнуть рад.
Когда ж надежда гаснет, как свеча,
И мир теснит, как каменная сроду, —
Взгляни в лицо грядущего, дыша,
И отыщи в себе самом свою свободу.
Но если бездна и свеча едва светла,
И мир лежит во зле, терзая и губя —
Ты в эту тьму войди, душою истязаясь,
И искру возвести, бессмертья любя!..
Когда ж томит тоска, и мир жесток,
И крест свой несть уже иссякли силы —
Сойди в себя, в подпольный свой порок,

Чтоб Божью в нем возжечь из пыли.

Глава I

I

Потускневшие крылья, опаленные руки,
Взор прежде сиял, неподвижен и строг.
В нем тоска затаенной, несказанной муки,
Покинули небо, спустившийся с ног.
Херувим, чье сердце алкало свободы,
Сбросить цепи небес, их надменный устав.
Избавить от рабства у трона Природы,
Он в грешный вступил, забытого, прав.
Он в юдоли пошел, в хаос крошечный,
Где под маской добра процветает обман.
Где улыбка — кинжал, а свет — лицемерный,
Где теряет невинный свой детский обман.
Он искал в грешных душах крупинки участия,
Теплоту у очага, простую любовь.
Но нашел лишь разврат, равнодушие, счастье,
Что кривится, как злой, безобразный покров.
И отринув все, к прежним высотам стремится,
На утес одинокий взобрался, изгнали.
Но и там небеса не хотят с ним делиться
Ни свободой, ни правдой в холодной дали.
Стоит он, прикинув к бездонному склону,
Взор истерк и пуст, простираясь во тьму.
И томится по Истине, словно в затону,

Пред бездной безмолвной, сам не зная, к чему...

II

Но что ж в груди смятением пожар?

Какая мрачная бросается тоска,

Без упования, без отрадных чар,

Дух тоскою пожирает до заката?

Всепоглощающий отчаянья полет

Трубит в свою серебряную твердь,

Чтоб он дерзнул и смог создать ее,

Но лишь роняет в прах свою же честь.

Сия борьба, сей чувств погибели состав

Все гуще гонит, пуще прежнего туман;

В бой толкая изнурительного сплав,

Суля одной отрадой — смертный хлад.

И все вокруг одето серой мглой,

И темень пожирает жадно бытие,

Преображая жизнь ее в пустой,

Где нет ни мысли, нет уж острие...

Сей светлый призрак, но туманный,

Зов забыть, дабы мятежный пыл,

Но с ним грядет Сирены страшный,

Его напиток — яд к смерду явил.

Но вот едва мерцающий маяк

Сквозь беспросветную печаль.

Что смерть отступится двояк

Под свет надежды пелена.

Но падший дух на то и обречен,

Чтоб изрыгать хулу на светлый дар;

В нем дремлет скорпион, собою уязвлен,

Сомнением отравляет белый жар!
Но верю, но дерзаю уповать!
Искупленья плат, внутри сей ад;
Чтоб удостоиться, принять,
Должна душа избыть весь яд.
И с трепетом, с слезами, на коленях,
Ночью шепот: «Прости!» — в оны судьбины
Узрю, как тьма рассеется в сединых
Зари, что вечность льет на скорби вины.

III

Он вот, чей образ мрачен и суров,
В чьих кудрях — ночь, лик — блески хлада.
В его очах — озер туманного покров,
Где тень веков уснула без отрада.
Одет в атлас. В цвета вороньих крыл,
В нем дух тоски, что вечностью смущен.
Он — гонец, удел его — чтоб вечно жил
Тот поиск правды, свыше назначен.
Строптивый дух и разум одинокий
Хранят в себе и муку, и тревогу.
Он в тьме идет тропой высокой,
Спеша к своей неотвратимой строгу.

IV

Средь теней бессонных, тишью темных сил,
Бредет, как призрак, дьяволом унылый.
В его очах — зеркал остывшие светил,
Горит звезда, но нет в ней силы и ни пыла.
О, пусть рассудок тверд, под силою суров,
Но что пред страстью, что царит мирами?

Холодный ум, несносен пред клеветами послов,
Разбит и гонит розу с лепестками.

V

Так пал ты, демон! Сраженный, неземной,
Что в смерть обличие явила ему вечность.
И вот паденье стало всем ценой его одной
За миг блаженной, горькой вечность.
Но дух в паденье свежесть обретя,
Средь руин своих взывается на высь.
Ему тропой сполна назначена стезя—
«Сквозь пустоту душою возносись.»
И, приняв в себя и мрак, и благодать,
Свой крест неся покорно, как святой,
Чтоб вечность на ладони удержать,
Он шаг творит — в мир, ставшего иной...

VI

Ты пришел с плохой вестью...
Зачем, Аморфиус, под плач?
Как истощенной Ахлис мезью
Протрубить погибель неудач...
И здесь — Ойзис, лазури и обмана —
Тревожат беспокойно вдоль ночи...
От горя с краем и до края океана,
Волной разят уставшие мечи...
Но внемли, друг: в полях забвенья,
Где тень Эвридики поет, грустя, —
Смирится сердца тяжкий пленя,
И утихает злая брань копыя...
О, здесь приляг, под сенью кипариса,

Где веет фимиам прохлады голубой...
И для души, тоской истерзанной от мира,
Волною легкой накатится покой...

VI

Виденья целый полон бывший кров,
Где время стынет, властвуя без слов, —
Чтоб в мире снов, в пыли альковов,
Явить закон окаменевших от оков...
Исчез последний луч багровый,
И в сердце — хряск под силою часов.

VII

И вот, я слышу, в башне дальней,
Что тень моя поет одну из странных нот, —
Как вверх, больной от пальцев белой,
Идет над бездной занавес на взлет...
— «Нещадным быть — восстал союз»,

VIII

Разрывая связь меж былью и мечтой,
Где пепел жертвенный остыл так строго,
И возникает в зале бальной,
Где смолк давно и скрипок вой, и смех,
Как призрак дамы погребальной,
На затвердившей сотый раз свой грех...

IX

Где вы, мечты, дыханье тихой ночи?
Вы улетели от ее взволнованных очей.
Ей не сносить верховной власти клей,
Ни славой гордой, ни красой спорочить.
Была пора — она, красой нетленной

Сияя, волю речковала всем на славу,
Но Зевс, сокрыв свой гнев кровавый,
Ее увлек в трон брачный, восхищённый.
О, брак! Ты — узы, чей венец — вершина,
Где каждая обида столь именем обидна.
Ей слышится в словах земного сына, —
Хвала отца... И стон души бессильной.
Когда ж душа, тоской воспламененна,
Желала мести в сумраке ночном,
Ей хаос сам, в его обличьи темном,
Явил свой лик, сломив ее со стоном.
Так в мире сем, под бурей неприметной,
Средь суетных надежд и сожалений,
Союз скрепленный клятвой тленной,
Хранит для дум печальный ряд томлений...

XI

И взгляд стремится вдаль,
Ему обратно не вернуться.
Где черты хранят печаль:
Вновь маятник коснуться.
Продолговатого мечтаний,
Когда усыпана хрустальная луна.
Сквозь вдаль ее звучаний,
Издаст лучистая сполна.
Как образ вечного высот:
По тайнам бледного несет.
Тернистым сводится оплот;
Рукой с прощанием встает,
О возврате птиц призовет:

На весть восходящего днем.
С тем важным он возведет,
Как давний от истин огнем,
Как Аталанта, держащего свод,
Бережет основы могучих.
И уверенно у очага свобод, —
Есть им по тени живущих.
Где падение свежий урок,
Всецело строгого взгляда.
Питает хоть страда пророк,
Что спасение в малости яда.

Глава II

I

Среди руин, где тень легла густая,
Свой дух скорбящий Amorфиус таил,
Он памятью о небе к чарам упиваясь,
Свой гордый жребий ввек его явил.
Но вдруг сиянье озарило своды,
Явившись в бархате ночных зеркал, —
То Виктории непорочны взоры
В его душе фантом былой воспрял.

II

«Зачем, — он молвил, — светлый ангел рая,
Ты в мир, где вечно длится муки глад,
Спустилась? Мысль одна, что ты святая,
Мой оскудевший дух терзает в ад».
Но не отринула Викторья ревенье,
В ее очах — небесная печаль:
«Я вижу в падшем сем творенье,
И мне твой мрак явится едва ль».
И в этот миг, где тьма слилась со светом,
Где встретились вражда и благодать,
Они постигли, что незримым следом
Любовь способна бездны покорять.

III

Его удел — холодная пустыня,

Ее удел — лазурная долины высь.
Он пьет из чаши горького полына,
Ей — аромат небесный лишь явись.
«О, не кляни мой жребий своенравный, —
Он молвил, очи полные тоской, —
Я пал, чтоб видеть лик твой благодатный
Во тьме моей, мучительной и злой».
«Кто пал, тот может встать, найти приют—
Любовь — не суд, не приговор судьбы.
Твой мрак души, твой ропот непрелюдный
Я принимаю, как приют слабы».

«Люблю! — восклик, дрожа от страсти. —
Простишь ли грех, мой бред ночной?»
Она в молчанье опустила ясти,
Потупив взор, смущенный и святой.
И в тишине меж них возникло чудо:
Ее лицо склонилось чуть грустя...
Не то отказ, не то согласна будто —
Как на утро их назначена заря.

IV

Он смолк. В очах, потухших и усталых,
Еще тлела последняя мечта.
Средь терний, судьбою ему данных,
Не росла отрадная черта.
Она ж, чиста, как утро в день священный,
Хранила в сердце тихий, кроткий свет.
Ее удел — в обители блаженной
Не знать, каких страданий стоит след.
«Взгляни, — сказал он с горькою враждою, —

На эту цепь, что совесть мне сковала.
Я недостойн быть перед тобою,
Душа моя и черства и мала».

VI

«Душа, любя, не ведает предела,
Она, как Бог, прощает и горит.
И в самом дне, где мрак и стон носился,
Она лучам небесным путь хранит».
«Поверь, — шепнул он, — верю исцеленью,
Твоей любви, что светит сквозь плиту».
И затрепетал, вкушая нетерпению
Забвения мучительную муть.
И два крыла, поднятые над бездной,
Сомкнули их в молчании немом.
Не победить, не быть врагам совместным,
Пока горит таинственным лучом.

VII

И он пошел за нею, как за чудом,
Покинув тьму своих немых печалей.
И каждый шаг казался ему судом,
И каждый вздох — предвестие скрижалей.
В ее очах, прозрачных и глубоких,
Как две зари, он видел оправданье.
Не в словах ее, в улыбке кроткой
Нашел он к новой жизни указанье.

VIII

Так дух, сраженный бурей преступления,
В любви, как в океане, омут был.
В ней — и крест, и пасхальное мгновенье,

И тайный глас, что вечность возвестил.
И двое шли тропею одинокой,
Где прежде мрак и терния росли,
Неся в груди, под ношею высокой,
Одни — любовь, другие — прах делили.

IX

В его душе, терзаемой борьбою,
Еще вилась греха, позором тень,
И призраки, вставая чередою,
Смущали в нем надежды слабый день.
«Куда идешь, безумец утомленный?
Исчезнет ли от слез твоих вина?
Ты — тот же прах, ничтожен и сраженный,
И этот свет — лишь призрак и весна».

X

Но ангел лет, внимая муке строгой,
Не осуждал холодною душой,
Вела его тропею одинокой,
Где каждый миг был пыткой и борьбой.
И ветвь с росой, звездой нетленной,
Подказала в утренней тиши,
Как будто в ней, в ее красе смиренной,
Таилось все значенье — ширь души.

XI

«Взгляни, — звучал ее напев смиренный, —
На этот рой, в сияньи вдохновенный,
Кружится ввек в любви своей бесценной...
Вот жизнь, и нам дарованная в ней».
И он глядел, восторгом упоенный,

В его душе, где не было теней,
Всходило чувство, трепетно-блаженное,
Как утра луч, пробившийся сквозь тень.
И с сердца прах спадал его усталый,
Не с грохотом, низринутым с горы,
А как листок, под ветром опадалый,
Что просится на влажные ковры.
И в этой боли нега просыпалась,
И слезы шли, лаская его лик,
Как будто в них сквозь муку пробивалось
Светило дня, тьму ночи победив.

XII

И он постиг в минуту озаренья,
Что крест его — не казнь и не позор,
Лестница ввысь, где нету забвенья,
Где каждый шаг — и рана, и простор.
Что ноша та — не узы и не бремя,
А дар любви, священный тот алтарь,
Чтоб искупить паденье и всеми
Воскресшую душу возвратить в тот старь.
Так шли они, и утро, расстилая
Свой золотой и влажный покров вниз,
Лобзало их, прохладною струило
В лицо, с которых скорбь навек сбежит.

XIII

И в сердце, где рыдало сожаленье,
Рождался вдруг неведомый напев,
Не о рае, не о геенне пламенной,
А о любви, что победила гнев.

И двое шли, сплетя свои мечты,
Под тяжестью минувшей темноты:
Один нес крест и прежние речей,
Другая — свет, сияние очей.

О, двое шли, сплетя свои судьбы!
Под тяжестью минут, что были злы:
Один нес крест мучительной борьбы,
Другая — свет нетленной доброты.

XIV

И вот пришли они в долину тихую,
Где сосны старые воспели тишину,
Где гладь озерная, прозрачно-личная,
Хранила вечности заветную весну.
«Войди, — природа им шептала сладостно, —
В обитель, где свой душа найдет покой,
Где все бывшее, горестно и жалостно,
Становится под небесною силой».

XV

Он слышал листьев в тихом шествии,
И эхо горное вдали ему звучало,
И в каждом шаге — отблеск возрождения,
Что сердцу утомленному сияло.
И видел он: в тумане над водою
Вся жизни им раскрытая краса—
Не призраки с их призрачною тьмою,
А вечная и с тем трепетная связь.

XVI

«Взгляни, — звучало в шепоте ручья, —
Как ива над водой склонила ветви,

Она грустит, но в горести своя
Хранит для мира зелени приметы»».

И узрел в прозрачной он глубине
Свой образ, но преображенный, новый,
Где в строгих чертах на печальном лике
Уж проступал покой судьбы суровой.

XVI

И с небес, в сияньи кротком, ясном,
Сошла к ним благодать в тиши ночной,
Не в буре, не в порыве страстном,
А в трепетной, смиренной глубиной.
«Выбери, — звучал тот глас спокойный, —
Остаться здесь, где вечный идеал,
Иль в мир вернуться, в шум его застойный,
Где новые мечи твой дух ковал».

XVII

И он, в ее руке почувствовав ответ,
«Изберу я путь, где долг и скорбь земная,
Где каждый шаг — за светлый свой обет,
Где жизнь — и крест, и благодать святая».
И дрогнули верхушки вековых берез,
И озеро лучами заиграло,
И пронеслось: «Ты свой свершил вопрос»,
И эхо в горных скалах замолчало.

XVIII

Так завершился час уединенья,
Но не борьбы — душа ее легка,
Ведь в каждом миге — новое рожденье,
И нет конца дорогам мудреца.

И в предрассветный час, когда так чисто
Светил на землю небосвод родной,
Они пошли тропею золотистой,
Неся в душе и мир, и покой, и строй.

XIX

Внемля гласу, что звенел в листве дубравной,
Он поднял очи к выси голубой,
Где в ризах облаков, зарей румяновластной,
Горел последний луч, как обет золотой.
«Я не бегу от судьбы, — шепнул он, — и не ропщу,
И в заботах от мирских не изнемогу,
Но в тишину сию, как тайну унесу
Я в шумный град, насвстречу берегу.

XX

И возвестили сосны вековые,
Качая темной зеленью своей,
Что нет конца у неба и земли,
Что свет разлуки — тоже свет лучей.
И проступила в озерной глубинке,
Средь водяных зыбей и светлых струй,
Не зыбкий лик, а твердый лик святыни —
Печать избранья на челе — крестный поцелуй.

Глава III

I

И вот ступил он на тропу мирскую,
Где пыль седая клубится, как туман,
Где жизнь, борьбою душу истребую,
Встречает стонами со всех сторон и стран.
Ему навстречу — лики искаженные,
Больные скорбью, яростью, тоской,
Души, во тьме ночной заблужденные,
С своей неразрешенною тоской.

II

Он шел меж них, и каждый вздох тяжелый
Ему напоминал о клятве роковой,
О тишине озер, о глади смолой,
Оставленной в стране его святой.
Но не роптал избранник одинокий,
Нес в сердце образ, светлый и немой,
И ветхий мир, что дан был в срок высокой,
Как щит от ужаса и скорбями земной.

III

В его душе, как в келье монастырской,
Хранился тот елей, что все же не угас,
И в шуме площадном, и в речи быстрой
Он слышал отзвук горних, чистых глаз.
И в каждом нищем, падшем и больном

Узреть стремился он черты благие,
Ту искру Божию, под греховным хламом
Томящуюся в плену, всечастно изнывая.

IV

Но демон сомнения, с улыбкой хладной,
Шептал ему: «Вот твой высокий строй!
Где ж благодать? Все здесь так безобразно,
И твой геройский подвиг — лишь покой.
Вернись в твой рай, в долину заповедную,
Где эхо шепчет в сладостной тиши,
А здесь — одна лишь проза бесследную,
Одно людское рабство и грехи».

V

И в час такой, когда душа смущалась,
И крест земной казался нестерпим,
Он образ тот, что в озере остался,
Воздвигнул в сердце, слез омывшим им.
И вновь звучал тот голос, неизменный:
«Прими сей дар — и муку, и любовь,
Иди в народ, в больницы, в сени тленны,
Неси свой свет, свою святую кровь».

VI

И нес он крест, смиряя дух мятежный,
Сквозь гул толпы, сквозь смех и ложь,
Благословляя путь свой безнадежный
И оправдав свою судьбу во всем.
И видел он — сквозь морок и паденье
Порой мелькал родной, нездешний свет,
Как отблеск той, утраченной весны,

Что вечно жив в душе, что гибели и нет.

VII

И в этой скорби, в этом постоянстве,
В борьбе с самим собой, с мирской грозой,
Явился ему новый смысл в сострадании,
Как искупление в жизни у земной.
Не для себя, для призрачного рая
Он путь — для страждущих, живых,
Чтить тоску, их боль смиряя — растворяя
В бездонной милости души своей больной.

VIII

Так шел пророк в толпе неотличимо,
Неся в груди и холод, и пожар,
Где утешенье становилось бремя,
А тяжкий крест — блаженством из утрат.
И в этом был высочайший строй души,
Не отречение, а ее внимающий закон,
Когда из мук, из тьмы и из суши
Бессмертный дух, как феникс, возроден.

IX

Их путь пресекался у реки разлившейся,
Весенний гнев вздыбил седой вал,
Вода ревела, пеной осквернившейся,
И переправы смерть им обещала.
«Нам не пройти, — Виктория сказала, —
Волна сомнет и мощь ладьи, и плот.
Одним из нас стать жертвою бы надо,
Чтоб дать другому шанс пройти вперед».

X

Он взгляд ее поймал — в нем не было покоя,
Лишь решимость, холодная, как сталь.
«Нет жертвам! — голос носится над воем. —
Наш общий путь — иль адская нам даль.
Я не приму спасенья той ценой,
Не стану жить, зная, что ты — кость в воде.
Мы или вместе будем погребены,
Иль вместе перейдем на этом судне».

XI

«Безумец! — прошептала, — ради света,
Что ты нести обязан для других...»
Но он, схватив ее за руку, вот ответ
Да к волнам прокричал, безумью вопреки.
И, обернувшись к челну одинокому,
Что буйство накаляло, как щепку в зле,
Шагнул, влача ее за собою строго,
На хлипкий настиг в яростной воде.

XII

И в этот миг, когда вода холодная
Уж обжигала их дрожащие ноги,
И смерть дышала в лицо, голодная,
Случилось чудо, снявшее тревоги.
Не ангел с неба — старик в плаще седой,
Скрытый до срока в тени скал сырых,
Перекрестился медленно рукой
И крикнул: «Держитесь!» — речью волевых.

XIII

И лодка, будто от хаоса вскинута,
Повинуясь единству и смелостью их,

Пошла сквозь вал, волной не опрокинута,
Как будто Господь хранил к цели двоих.
А старик, исчезнув тропею туманной,
Словно и не бывало вовсе его тут,
Оставив им в дар путь неожиданный,
Что только вера и любовь создают.

XIV

Они, на берег выбравшись дрожащий,
Смотрели вспять, где рев еще звучал,
И понимали в битве настоящей
Не чудо их спасло, а их закал.
Тот шаг в пучину, сделанный благими,
Не для себя, но чтоб другого не предать,
Сломил течение гибельной стихии,
Сумев саму судьбу за горло взять.

XV

И здесь, в тиши, придя в себя едва ли,
Он обнял Викторию — и в тишине
Понял, что больше нету в мире дали,
Что могла бы разлучить их в беготне.
Не мост из света, не сиянье рая —
А этот берег, мокрый, некрасив,
Им новую дорогу открывая,
Где их дыханье навсегда слилось.

XVI

Еще дрожали руки, кровь стучала
В висках, как отзвук прошедшей беды,
Но дух уже летел, предвосхищая
Все испытания, что ждут впереди.

Развитием был им не крик и не видение,
А тихий шепот: «Вместе и Навсегда».
И в этом — высшее предназначение,
Где торжество, напротив к тьме — звезда.

XVII

Настала ночь. Костер, дрожа, светился,
Бросая блики на скалы кругом.
Все стихло. Только сумрак шевелился
Да изредка трещал огонь сухим сучком.
Их двое в мире — более не нужно,
Ни клятв, ни громких, гордых фраз.
Лишь тишина, что стала вдруг послушной
И сердцу внятен каждый робкий час.

XVIII

Смотрел он в пламя, будто в нем читая
Всю повесть дня — и гнев, и страшный миг,
И как душа, едва не изнывая,
Нашла в себе спасительный родник.
И видел он в багряных угольках

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.